

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2026. Т. 15, вып. 2 (58). С. 134–147

Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology, 2026, vol. 15, iss. 2 (58), pp. 134–147

<https://akmepsy.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2304-9790-2026-15-2-134-147>

EDN: LJUUGE

Научная статья

УДК 316.6:159.9

Культурная память как смысловая основа этнической идентичности личности

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

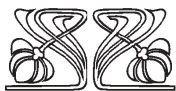
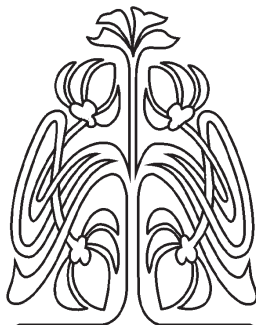
Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. *Актуальность:* в современном транзитивном мире культурная память становится ключевым ресурсом адаптации к стремительным изменениям, позволяя не терять человеческое измерение в цифровую эпоху и находить точки соприкосновения в мире множественных правд. *Цель:* проанализировать культурную память, опирающуюся на базисные убеждения при интерпретации исторических событий, и эмпирически верифицировать вклады культурной памяти в этническую идентичность. *Гипотеза:* объективное прошлое как архивный компонент культурной памяти тесно связан с базисными убеждениями личности и оказывает влияние на специфику проявлений ее этнической идентичности. *Участники:* N = 100, жители г. Саратов (муж. пол – 44; жен. пол – 56) в возрасте от 21 до 58 лет (M = 28; SD = 7,54). *Методы (инструменты):* для измерения архивного компонента культурной памяти использовалась анкета, содержащая сведения социально-демографического характера (пол, возраст), и вопросы, связанные со знакомостью и значимостью исторических событий, персонажей, концептов, их оценкой по шкале Лайкерта; для фиксации идентичности применялась методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), для определения выраженности базовых убеждений – модификация шкалы Р. Янов-Бульман (в адаптации М. А. Падун, А. В. Котельникова). *Результаты:* выявлено, что архивная память является ресурсом для построения идентичности, имеет положительные корреляции с базисными убеждениями и поддерживает нормативную этническую идентичность личности. Обнаружено, что доброжелательность мира детерминирована как ресурсом культурной памяти, так и деструктивными этническими идентификациями. *Основные выводы:* уточнены взаимовлияния культурной памяти на систему базисных убеждений и позитивную этническую идентичность личности; установлены избирательные вклады культурной памяти в этническую идентичность. *Практическая значимость:* результаты могут использоваться при разработке программ развития культурной памяти, усиливающих позитивную этническую идентичность и снижающих этноиндифферентность, но не оказывающих влияния на ее деструктивные типы, которые требуют специальных психологических интервенций, ориентированных на формирование эмпатии, устойчивости к изменениям и преодоление предрассудков.

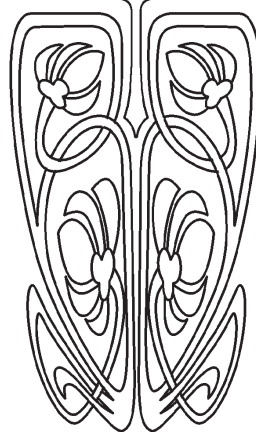
Ключевые слова: культурная память, базовые убеждения, этническая идентичность, культурные коды, взаимосвязи, вклады

Для цитирования: Рягузова Е. В. Культурная память как смысловая основа этнической идентичности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2026. Т. 15, вып. 2 (58). С. 134–147. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2026-15-2-134-147>, EDN: LJUUGE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Cultural memory as a meaningful foundation of an individual's ethnic identity

E. V. Ryaguzova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Abstract. *Relevance:* in the modern transitional world cultural memory is becoming a key resource for adapting to rapid changes. It allows maintaining a human dimension in the digital era and finding common ground in a world of multiple truths. The study *purpose* is to analyze cultural memory based on fundamental beliefs when interpreting historical events. It also aims to empirically verify the contributions of cultural memory to ethnic identity. The study *hypothesizes* that the objective past as an archival component of cultural memory is closely related to the fundamental beliefs of an individual and influences the specific manifestations of their ethnic identity. *Participants:* N = 100, residents of Saratov (males – 44; females – 56) aged 21 to 58 (M = 28; SD = 7.54). *Methods (instruments):* a questionnaire was used to measure the archival component of cultural memory. It contained socio-demographic information (gender, age), questions related to the familiarity and significance of historical events, characters, and concepts, as well as their assessment according to the Likert Scale. The Types of Ethnic Identity Techniques (by G. U. Soldatova, S. V. Ryzhova) was used to assess the identity; a modification of the R. Yanov-Bulman World Assumptions Scale (adapted by M. A. Padun, A. V. Kotelnikova) was used to determine the manifestation degree of foundational beliefs. *Results:* the study has revealed that archival memory is a resource for building identity, has positive correlations with foundational beliefs, and supports the normative ethnic identity of an individual. It has been found that the benevolence of the world is determined by both the resource of cultural memory and destructive ethnic identities. *Main conclusions:* the results clarify the correlation between cultural memory and the system of foundational beliefs and the positive ethnic identity of an individual; the study reveals selective contributions of cultural memory to ethnic identity. *Practical significance:* the results can be used in the development of cultural memory programs that enhance positive ethnic identity and reduce ethno-indifference, however do not affect its destructive types, which require special psychological interventions focused on developing empathy, resilience to change, and overcoming prejudices.

Keywords: cultural memory, foundational beliefs, ethnic identity, cultural codes, correlations, contributions

For citation: Ryaguzova E. V. Cultural memory as a meaningful foundation of an individual's ethnic identity. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2026, vol. 15, iss. 2 (58), pp. 134–147 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2026-15-2-134-147>, EDN: LJUUGE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современный мир характеризуется турбулентностью, нарастающей неопределенностью и коренными трансформациями всех сфер его функционирования: изменяется миропорядок и правила сосуществования государств; реформируются и реорганизируются социальные институты (в том числе институт семьи); ключевые дискурсы утрачивают легитимирующие функции; перестраивается иерархия доминирующих ценностей социальных акторов; цифровизация приводит к значимым переменам в повседневной жизни членов общества; смещение социальных контактов в цифровое пространство модифицирует коммуникативные процессы и деформирует межличностные отношения; возникает новая конфигурация личностной и социальной идентичности в виде рефлексивного проекта, не ограниченного локальными рамками, но требующего постоянного внимания и управления в поисках баланса или, как верно уточнила Е. П. Белинская [1], постоянного балансирования между гибкостью и целостностью, устойчивостью и

изменчивостью, открытостью и внутренним стержнем, автономией и принадлежностью.

В реальности свершившихся изменений и уже состоявшихся кризисов жизненно необходимы цивилизационные константы – точки опоры, которые способны упорядочить, стабилизировать и гармонизировать стремительно изменяющийся мир и придать ему отчетливый смысл. Говоря о константах, на наш взгляд, необходимо иметь в виду не содержательную и застывшую неизменность, а скорее постоянство их присутствия, поскольку ключевой характеристикой цивилизационных констант выступает динамическая устойчивость, предполагающая способность сохранять целостность, адаптируясь к новым условиям. Среди цивилизационных констант укажем на онтологические константы (пространство и время), представляющие собой основу бытия цивилизации, определяющие сам способ существования обществ; культурно-исторические константы (язык, общая история, религия), актуализирующие чувства «мы» и создающие основу для «воображаемого сообщества», которое, как справедливо отмечает Б. Андерсон, есть объединение людей, вос-

принимающих себя как часть единой нации, несмотря на невозможность личного знакомства со всеми ее членами [2]; ценностные константы (мораль, справедливость), которые превращаются во внутренние ориентиры и нравственные императивы, регулирующие поведение человека и снижающие необходимость внешнего контроля.

Одной из цивилизационных опор безусловно является культурная память, служащая основой для коллективной идентичности, обеспечивающая чувство преемственности и принадлежности к большому сообществу (народу, нации, цивилизации), сохраняющая прошлое в настоящем и транслирующая ценности, смыслы и опыт следующим поколениям, скрепляя крупные цивилизационные общности, отличая «своих» от «чужих». Однако в современном мире эта опора, от стабильности которой зависит устойчивость всего общества, требует осознанного отношения и защиты от манипуляций и размывания, так как во-первых, в условиях глобальных информационных потоков единая версия прошлого сталкивается с множеством других трактовок и имеет место конкуренция интерпретаций, а, во-вторых, в современном мире культурная память становится инструментом для достижения политических целей, когда определенные события намеренно выдвигаются на передний план или предаются забвению.

Цель исследования, представленного в статье, проанализировать культурную память, опирающуюся на базисные убеждения при интерпретации исторических событий, и эмпирически верифицировать вклады культурной памяти в этническую идентичность.

Гипотеза: объективное прошлое как архивный компонент культурной памяти тесно связан с базисными убеждениями личности и оказывает влияние на специфику проявлений ее этнической идентичности.

Новизна исследования заключается в новом взгляде на культурную память как семиотическую систему, включающую значения и смыслы (денотацию и коннотацию) прошлого, настоящего и будущего. Культурная память выступает как важный, но избирательный «архитектор» этнической идентичности, закладывая в ее основу здоровые, укорененные формы, но не исправляя те, которые уже гипертрофированы.

Теоретическая значимость: результаты исследования вносят вклад в разработку проблемы культурной памяти как многомерного,

многослойного и динамичного образования, качественная определенность которого обусловлена сосуществованием и взаимодействием объективных денотаций (фактов, артефактов) прошлого, субъективных коннотаций – смыслов, приписываемых прошлому в настоящем, перспективных проекций прошлого в будущее, направляющих действия и ожидания общества, формирующих идентичность его акторов.

Культурная память и базисные убеждения

Принятым определением культурной памяти считается дефиниция, предложенная Яном Ассманом [3] на основании представления М. Хальбвакса о коллективной памяти [4] и уточненная Алейдой Ассман [5]: культурная память – особый тип коллективной памяти, который представляет собой свод объективированных, материализованных и институционализированных смысловых форм, закрепленный в обществе через определенные носители и практики, необходимый для формирования и поддержания коллективной идентичности группы (нации, народа, религиозной общности) путем постоянного обращения к значимому для нее прошлому. Культурная память объективируется через места памяти, к которым, по мнению П. Нора, относятся любые материальные или нематериальные объекты (здания, даты, образы), выступающие символическими элементами наследия памяти сообщества, воплощающие память группы, создающие представления общества о себе и своей истории и транслирующие символические ценности прошлого в настоящее и будущее [6]. Еще одним механизмом культурной памяти, обеспечивающим ее сохранение и функционирование, выступают коммеморации – социальные практики (праздники, ритуалы, установка памятников и создание мемориалов), действия, которые активизируют, воспроизводят и обновляют память, обращаясь к местам памяти, направленные на фиксацию определенной картины прошлого, служащие инструментом воспитания, солидаризации или политической борьбы. Важнейшая идея П. Нора состоит в том, что «места памяти» и коммеморации – не естественное отражение прошлого, а динамичные и подвижные конструкции, созданные для решения актуальных задач общества и формирования идентичности его представителей в конкретный исторический момент [там же].

На основе философской концепции О. Розенштока-Хюсси «Крест реальности» [7], согласно которой действительность – реальная или воображаемая, осознаваемая или неосознаваемая – репрезентируется на пространственно-временном перекрестке прошлого, будущего, внутреннего, внешнего посредством четырех векторов напряжения: пространственный синхронный вектор (объективное – субъективное) и временной диахронный вектор (прошлое – будущее), нами предложена теоретическая модель структуры культурной памяти как смысловой системы, существующей в постоянном напряжении между четырьмя полюсами: архивированным Прошлым и проективным Будущим, внутренним Переживанием и внешней Объективацией: Объективное Прошлое воспринимается не только как завершенное и необратимое, закрепленное и объективированное в материальных носителях, но и как ресурс, выступающий источником смыслов для построения идентичности социальных акторов, легитимации власти и осмысления коллективных травм; Объективное Будущее задает горизонт ожиданий и целей, проектирует сценарии будущего с учетом прошлого и позиционируется как то, ради чего сообщество помнит свою историю; Субъективное Прошлое функционирует на уровне присвоения и переживания, обретения личностных смыслов и формирования картины мира; Субъективное Будущее становится частью автобиографической памяти личности, формируя ее идентичность.

Базовые убеждения в рамках психологического дискурса позиционируются как фундаментальные, имплицитные, часто неосознаваемые представления человека о мире, Других и себе. Они формируются в раннем детстве на основе опыта, служат когнитивной матрицей для обработки всей последующей информации и выполняют роль психологического «иммунитета», организуя опыт, предсказывая события и обеспечивая чувство стабильности и контроля. Например, в классической теории организационной культуры Э. Шейна базисные допущения – это глубинный, часто неосознаваемый уровень культуры, неявные, воспринимаемые как само собой разумеющиеся убеждения, представления и модели восприятия, которые определяют, как члены группы видят, думают и чувствуют по поводу окружающей действительности [8].

Базовые убеждения экономят ресурсы, автоматизируя реакции, придают жизни смысл и предсказуемость (даже если это негативный смысл), являются источником как ограниченный, так и ресурсов, регулируют поведение через замкнутый цикл: Убеждение → Мысль / Эмоция → Стратегия поведения → Результат, подтверждающий убеждение.

На уровне цивилизации базовые убеждения проявляются как глубинные, неявные аксиомы культуры и передаются через культурную память и коммеморативные практики, формируя коллективную идентичность и модели поведения. Базовые убеждения – это глубинный психологический «код» личности или культуры, который определяет восприятие, интерпретацию и действия, а их изменение – сложный процесс, требующий осознания и активного накопления нового опыта.

В этом контексте обратим внимание на теорию базовых допущений, вернее «разбитых допущений» R. Janoff-Bulman, которая является ключевой для понимания того, как глубинные убеждения функционируют и меняются под воздействием травмы [9]. R. Janoff-Bulman утверждает, что травматические события (насилие, тяжелая утрата, катастрофы) особенно разрушительны именно потому, что они «разбивают» базовые убеждения. Картина безопасного, справедливого и предсказуемого мира рушится, сменяясь ощущением хаоса, угрозы и собственной уязвимости. При этом коллективная травма, хранимая в культурной памяти, может влиять на базовые допущения целых поколений или народов. Например, опыт войн, геноцидов, репрессий или масштабных катастроф может сформировать на уровне культуры неявные допущения, подобные травматическим об опасности и враждебности мира, о ненадежности власти, уязвимости личности.

Существует связь базисных допущений с культурной памятью, которая является главным инструментом формирования, закрепления и передачи базисных допущений в масштабах больших групп (наций, цивилизаций, религий). Культурная память легитимизирует базисные допущения, создавая и постоянно воспроизводя нарратив об избранности, подкрепляя его мифами о происхождении, историей о героических победах и страданиях, которые интерпретируются как подтверждение этой особенности. Более того, культурная память кодирует базисные

допущения в устойчивые формы и транслирует их следующим поколениям, не столько принуждая членов сообществ, сколько побуждая их к формированию определенной картины мира и базовых установок, придавая допущениям вид аксиом, уходящих корнями в глубокое, сакральное прошлое, делая их частью естественного порядка, а не предметом критики.

Базисные допущения как глубинные программные коды культуры составляют содержание то, что человек сознательно или бессознательно считает истиной, они формируются на основе успешного коллективного опыта решения проблем и со временем становятся настолько глубокими, что их редко обсуждают или подвергают сомнению. Культурная память – это форма и процесс того, как эта истина сохраняется, оформляется в нарративах и символах, транслируясь следующим поколениям. Соответственно, изучая, как конструируется и меняется культурная память (какие события становятся центральными и ядерными, как и что о них говорят, как и что забывают), открывается доступ к раскрытию и анализу тех имплицитных базисных допущений, которые определяют коллективные действия больших социальных групп.

Таким образом, базовые убеждения как глубинный уровень культуры формируются и передаются через исторический опыт группы – ее культурную память. Успешные модели поведения, закрепленные в прошлом, превращаются в ключевые убеждения. Культурная память выступает механизмом формирования и трансляции базовых убеждений, а сами убеждения представляют собой содержание, закодированное в культурной памяти группы.

Культурная память и идентичность

Связь между культурной памятью и идентичностью является центральной для понимания того, как формируются личности, группы и нации. Это взаимозависимые и взаимообогащающие понятия. Культурная память – не просто сумма исторических фактов, а скорее совокупность знаний, опыта, мифов, символов, ритуалов и ценностей, которые осмысливаются, передаются из поколения в поколение и формируют «коллективную автобиографию» группы (семьи, этноса, нации, религиозной общности). П. Хаттон отмечает: «Проблема... не в том, как история может восстановить память, а, скорее в

том, что память оставит в наследство истории» [10, с. 182–183], а как пишет А. Huyssen: «Прошлое не просто хранится в памяти, оно должно быть сформулировано, чтобы стать памятью» [11, с. 28]. Соответственно, прошлое в культурной памяти – это не то, каким оно было, а то, каким его помнят в настоящем, наполняя объективные денотации субъективными смыслами.

Известно, что идентичность (особенно коллективная) строится на ответах на вопросы: Кто мы? Откуда мы пришли? Что пережили? Культурная память задает рамки для этих ответов через: 1) создание общих нарративов, имеющих отношение к истории о происхождении, героях, врагах, золотых веках и трагедиях, тогда как принадлежность к группе означает переживание этих историй и признание их значимости для себя лично; 2) формирование мест памяти, которые становятся символами памяти и, следовательно, идентичности; 3) ритуальные и коммеморативные практики, не просто воссоздающие версии прошлого, привязанные к времени и пространству, и напоминающие о нем, а подтверждающие принадлежность участников к общности в настоящем; 4) переживание травматического опыта, поскольку разделенная травматическая память (геноцид, поражение в войне, утрата былой государственности) часто становится ключевым элементом идентичности, сплачивая группу вокруг общего страдания и сопротивления.

Согласимся с тезисом Дж. Александера о том, что культурная травма – это не просто объективное событие, а социально сконструированный процесс, который играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности [12]. Травматическая память имеет дело не с реальной травмой, а с ее актуальной репрезентацией и сопряжена, по мнению J. Edkins, с невероятным и невообразимым [13], она появляется через интериоризация или экстернализация травмы (в терминах А. Ассманн [14]), и предполагает, как справедливо указывает В. А. Шнирельман, и глорификацию, и виктимизацию, маркируя «этическую» форму памяти, которая сохраняет шок и разрыв, вызванные травмой, сопротивляясь ее простому «закрытию» или использованию в политических целях [15], что созвучно идее о том, что культурная память – это не застывший архив, а живой и часто болезненный процесс.

Стоит заметить, что и идентичность – это активный процесс, выступающий своеобразным

фильтром для памяти. Каждая группа выбирает не только в содержательном смысле то, что помнить или забыть, но и в более рефлексивном ключе, как следует помнить, распространять и канонизировать отсылки к прошлому, формируя, по точному выражению С. Pentzold с соавторами [16], современные версии прошлого или социально выраженную и поддерживаемую «реальность прошлого». То, что соответствует текущим представлениям группы о себе (ее идентичности), попадает в канон культурной памяти, а то, что противоречит (позорные страницы, внутренние конфликты – все то, что Н. В. Эппле относит к «неудобному прошлому» [17]), вытесняется или переосмысливается. При смене политического режима или ценностей меняется и интерпретация одних и тех же событий. Память выступает в качестве поля борьбы за смыслы, а идентичность диктует, какую трактовку важную для самоопределения принять «здесь-и-сейчас».

Известно, что идентичность часто определяется через противопоставление Я и Другого. Культурная память хранит образы «чужих», врагов или дружелюбных соседей, что помогает четче очертить собственные границы, давая индивиду чувство принадлежности к чему-то большему и непрерывности «Я» и «Мы» во времени, локализуя его в истории и снижая экзистенциальную тревогу.

Вместе с тем, когда существуют конкурирующие версии культурной памяти, происходит борьба за памятники и исторические нарративы, то это может приводить к острым конфликтам идентичности, борьбе за то, «кто мы есть». Если связь с культурной памятью прерывается (в результате миграции, насильственной ассимиляции, резкой смены идеологии), то у человека или группы возникает кризис идентичности – потеря ориентиров, чувство растерянности и «безродности». Более того при столкновении государственного, медийного и семейного дискурсов памяти относительно травмирующих событий переход с микроуровня на макроуровень и обратно происходит гораздо сложнее и неоднозначнее, чем принято считать, на что указывает G. Proietti [18].

Культурная память и идентичность находятся в отношениях диалектического диалога: с одной стороны, культурная память предоставляет символы, мифы, травмы для конструирования идентичности, с другой стороны, актуаль-

ная идентичность отбирает, интерпретирует и переформатирует культурную память. Можно утверждать, что связь между культурной памятью и идентичностью циклична: память формирует совокупность представлений личности о себе в актуальный момент времени, а сама эта совокупность определяет, как и что помнится из прошлого и транслируется в будущее. Понимание этой связи критически важно для анализа современных социальных и политических процессов, от национализма и миграции до культурных войн и поиска гражданского согласия.

Таким образом, связь культурной памяти и идентичности фундаментальна и динамична: культурная память является смысловой основой для идентичности, в частности, для этнической идентичности, они взаимодействуют через конкретные практики и явления – ритуалы, символы, язык, которые опосредуют передачу и переживание общего прошлого, формируя чувство принадлежности; места памяти, которые выступают опорами памяти и фокусами идентичности, при этом содержание культурной памяти может становиться предметом споров, особенно в многонациональных обществах, а трактовка прошлого и его связь с идентичностью часто является полем идеологических битв.

Материалы

Участники исследования: N = 100, жители г. Саратов (муж. пол – 44; жен. пол – 56) в возрасте от 21 до 58 лет (M = 28; SD = 7,54), большинство респондентов в возрасте 22–28 лет.

Методики: опрос, содержащий сведения социально-демографического характера (пол, возраст) и вопросы, связанные с субъективной оценкой объективного прошлого – фактической, «архивной» культурной памятью, т.е. знанием внешнего, институционально закрепленного канона, значением конкретных событий истории, вкладом исторических личностей, знаковой культурных концептов (шкала Лайкерта).

Методика «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой [19], позволяющая выявить тип этнической идентичности (этнофанатизм, этнонигилизм, позитивная идентичность, этническая индифферентность, этноизоляция, этноэгоизм). Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с каждым из 30 утверждений по 5-балльной шкале: от min 0 – «не согласен» до max 4 – «согласен».

«Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман [9] в модификации М. А. Падун и А. В. Котельниковой [20], направленная на определение структуры имплицитных и устойчивых мировоззренческих установок личности (доброжелательность окружающего мира, его справедливость, образ Я, удача, убеждения о контроле), которые оказывают влияние не только на мышление, эмоциональные состояния и поведение отдельной личности, но и определяют коллективные паттерны действий больших социальных групп. Респондентам предлагалось оценить степень своего согласия с каждым из 32 утверждений по 6-балльной шкале: от min 1 – «совершенно не согласен» до max 6 – «полностью согласен».

Методы анализа данных. Для обработки данных исследования применялись процедуры

математической статистики: корреляционный анализ по Пирсону, множественный регрессионный анализ *Multiple Regressions* по методу *Stepwise – Forward* (прямой, пошаговый). Статистическая обработка данных выполнена посредством пакета статистических программ JASP 0.19.2.

Результаты и их обсуждение

Учитывая интервальный характер полученных шкальных данных и их проверку на нормальность распределения, проведем корреляционный анализ по Пирсону между показателями фактической, «архивной» культурной памяти, типами этнической идентичности и базисными убеждениями личности. Значимые корреляционные связи приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Значимые связи архивной культурной памяти, типами этнической идентичности и базисными убеждениями (N = 100)

Significant connections between archival cultural memory, types of ethnic identity, and basic beliefs (N = 100)

Переменная 1	Переменная 2	r	Интерпретация
Культурная память	Доброжелательность	,458****	Достоверная положительная связь средней силы. Чем выше культурная память, тем сильнее вера в доброжелательность мира
Культурная память	Справедливость	,304**	Слабая положительная связь. Чем выше культурная память, тем выше вера в справедливость мира
Культурная память	Ценность Я	,306**	Слабая положительная связь. Чем выше культурная память, тем выше ценность собственного Я
Культурная память	Позитивная этническая идентичность	,285**	Слабая положительная связь. Чем выше культурная память, тем более выражена позитивная (нормативная) этническая идентичность.
Нигилизм	Доброжелательность	-,420***	Сильная отрицательная. Чем выше нигилизм, тем ниже вера в доброжелательность мира.
Нигилизм	Справедливость	-,395***	Умеренная отрицательная. Чем выше нигилизм, тем ниже вера в справедливость мира.
Нигилизм	Ценность Я	-,337***	Умеренная отрицательная. Чем выше нигилизм, тем ниже ценность собственного Я.
Изоляционизм	Доброжелательность	-,330***	Умеренная отрицательная. Чем выше изоляционизм, тем ниже вера в доброту людей.
Фанатизм	Доброжелательность	-,302**	Умеренная отрицательная. Чем выше фанатизм, тем ниже вера в доброту людей.
Позитивная идентичность	Ценность Я	,273**	Слабая положительная. Чем выше норма, тем выше ценность собственного Я.
Эгоизм	Удача	,314**	Умеренная положительная. Чем выше этнический эгоизм, тем выше вера в удачу/контроль.

Примечание / Note. ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; **** – $p < 0,0001$.

Приведенные данные указывают на то, что архивная память как один из компонентов культурной памяти, связанный с объективным прошлым, является ресурсом, из которого настоящее постоянно черпает смыслы для построения идентичности. Она имеет положительные корреляционные связи с ключевыми базисными убеждениями – доброжелательностью и справедливостью мира, предполагающими оптимистичный взгляд на мир и Других, устойчивое и позитивное самоотношение личности (ценность Я), а также поддерживает здоровую, нормативную этническую идентичность личности. При этом наиболее сильная связь обнаружена между этим компонентом культурной памяти и доброжелательностью мира, верой в то, что несмотря на его сложность, изменчивость, транзитивность и противоречивость в нем преобладает добро и осмысленность, а происходящие события закономерны, контролируемы и подчиняются законам справедливости.

Интересные и заслуживающие особого внимания результаты касаются связей типов этнической идентичности и базовых убеждений личности. Выявлены амбивалентные тенденции: с одной стороны позитивная этническая идентичность (норма) положительно связана с показателями архивной культурной памяти и ценностями собственного Я, а, с другой стороны, такие деструктивные типы этнической идентичности как этнонигилизм, этноизоляционизм, этнофанатизм устойчиво коррелируют с деструкцией базисных убеждений, особенно с доброжелательностью мира, выступая проявлением или следствием нарушенной картины мира личности. Базовое убеждение о доброжелательности мира оказывается наиболее чувствительным как к ресурсу (положительная связь с культурной памятью), так и к деструктивным факторам (отрицательные связи с этнонигилизмом, этноизоляционизмом, этнофанатизмом), что может указывать на его центральную роль в социальном самочувствии личности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что усиление этого компонента культурной памяти через образование, историческое просвещение, мемориативные практики, межпоколенческие связи может выступать в качестве фактора, способствующего формированию здоровой этнической идентичности личности и ее устойчивых позитивных базисных убеждений,

которые, в свою очередь, являются фундаментом психологического благополучия. Вывод о тесной связи базисных убеждений с благополучием личности согласуется с результатами исследований О. С. Маркиной и С. В. Молчанова, проведенных на студенческой молодежи [21]; данными, полученными Р. М. Шамяновым, при анализе характера вкладов базисных убеждений в различные виды субъективного благополучия представителей разных культур [22]; В. Л. Цветкова и А. И. Ивановой на выборке курсантов [23], а также исследованиями Т. А. Нестика, направленными на выявление психологических механизмов, лежащих в основе позитивных оценок настоящего своей группы, конструирования коллективной памяти и ожиданий в отношении коллективного образа будущего [24].

Результаты пошагового множественного регрессионного анализа, направленного на определение, какие переменные – архивная культурная память и типы этнической идентичности лучше всего предсказывают каждый из пяти базисных убеждений (доброжелательность мира, справедливость, ценность Я, удача и контроль), приведены в табл. 2.

Согласно данным табл. 2, первая модель объясняет 30,3% дисперсии убеждения в доброжелательности мира ($Adj. R^2 = 0,303$). Главный позитивный предиктор – культурная память ($\beta = 0,458$). Главный отрицательный предиктор – этнонигилизм ($\beta = -0,352$). Остальные типы этнической идентичности – этноизоляционизм и этнофанатизм не вошли в модель, так как их вклад перекрывается этнонигилизмом. Убеждение в доброжелательности мира сильнее всего зависит от общего ресурса (культурной памяти) и отсутствия деструктивного отношения к своей группе (этнонигилизма).

Вторая модель объясняет 19,2% дисперсии. В отличие от предыдущей модели в ней первым и более сильным негативным предиктором выступает этнонигилизм. Культурная память добавляет значимый, но меньший позитивный вклад. Представления о справедливости мира в большей степени подвержено влиянию этнонигилизма, чем поддерживается культурной памятью.

Модель 3 объясняет 13,6% дисперсии ценности Я. Вновь наблюдается паттерн: культурная память как ресурс и этнонигилизм как деструктор. Показатель позитивной этнической идентичности (норма), имевший значимую

Таблица 2 / Table 2

Регрессионная модель базисных убеждений
Regression model of foundational beliefs

Шаг	Переменная	β (станд.)	t-value	p-value	R^2 (объяснённая дисперсия)	Adj. R^2	Изменение R^2
Модель 1. Зависимая переменная: Доброжелательность мира							
1	Культурная память	,458	3,72	< ,001	,210	,195	,210
2	Этнонигилизм	,352	2,99	,004	,330	,303	,120
Итог: Модель 1 значима ($F = 12,15$; $p < ,001$). $VIF < 1,2$ (мультиколлинеарности нет).							
Модель 2. Зависимая переменная: Вера в справедливость мира							
1	Этнонигилизм	-,395	-3,07	,003	,156	,140	,156
2	Культурная память	,272	2,12	,039	,222	,192	,066
Итог: Модель 2 значима ($F = 7,33$; $p = ,002$). $VIF < 1,2$							
Модель 3. Зависимая переменная: Ценность собственного Я							
1	Культурная память	,306	2,31	,025	,094	,077	,094
2	Этнонигилизм	-,281	-2,12	,039	,168	,136	,074
Итог: Модель 3 значима ($F = 5,24$; $p = ,009$). $VIF < 1,2$							
Модель 4. Зависимая переменная: Удача (Вера в удачу/контроль)							
1	Этноэгоизм	,314	2,38	,021	,099	,082	,099
Итог: Модель 4 значима ($F = 5,66$; $p = ,021$)							

Примечание. β – стандартизированный коэффициент регрессии; t-value – критерий, основанный на t-распределении Стьюдента; t – критерий Стьюдента (отношение коэффициента В к своей стандартной ошибке); p-value – уровень значимости; R^2 – коэффициент детерминации; F – критерий Фишера (оценка значимости модели регрессии в целом).

Note. β is the standardized regression coefficient; t is the value criterion based on the Student's t distribution; t is the Student's criterion (the ratio of coefficient B to its standard error); p-value – significance level; R^2 is the coefficient of determination; F is the Fisher criterion (assessment of the significance of the regression model as a whole).

корреляцию с базовым убеждением в ценности собственного Я, в регрессионную модель не вошел, поскольку его вклад не был уникальным после учета культурной памяти и нигилизма.

Четвертая модель указывает на то, что единственным значимым предиктором выступает этноэгоизм ($\beta = 0,314$). Модель объясняет лишь 8,2% дисперсии, выявляя специфическую связь: убежденность в своем контроле над событиями (удаче) связана с установкой на преимущество своей группы (этноэгоизм). Культурная память и другие формы идентичности здесь не играют существенной роли.

Приведенные данные свидетельствуют о центральной роли двух предикторов – культурная память и этнонигилизм, которые выступают системными, универсальными предикторами для трех ключевых базисных убежде-

ний – доброжелательность мира, справедливость и ценность Я, действуя в противоположных направлениях и указывая на ресурсную роль культурной памяти и деструктивную роль этнонигилизма. Наиболее сильное и комплексное влияние предикторы оказывают на убеждение о доброжелательности мира (Adj. $R^2 = 30,3\%$), что делает данный показатель центральной мишенью для психологического благополучия в социальном контексте. Этноэгоизм предсказывает только веру в удачу/контроль, что указывает на особый паттерн связи между групповым высокомерием и личной убежденностью в контроле. Исходя из наших результатов, контроль как общее убеждение не связан с этнической идентичностью или архивной культурной памятью. Результаты согласуются с представлением о том, что по-

зитивная связь с историей и культурой группы создает основу для доверия к миру и позитивного самоотношения. В то же время отрицание ценности ингруппы, дистанцирование от нее вплоть до отстранения системно разрушают эти фундаментальные убеждения. Таким образом, регрессионный анализ не только подтвер-

дил, но и уточнил выводы корреляционного анализа, выявив иерархию и уникальный вклад ключевых переменных.

Посредством регрессионного анализа уточнен вклад архивного компонента культурной памяти в разные типы этнической идентичности (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Вклад архивного компонента культурной памяти в разные типы этнической идентичности
Contribution of the archival component of cultural memory to different types of ethnic identity

Этническая идентичность	β (культурная память)	t val	p	R^2 объяснённая дисперсия (%)	Интерпретация вклада
Норма (позитивная идентичность)	,285	2,16	,035	,081 (8,1)	Положительный, значимый вклад. Чем выше культурная память, тем сильнее выражена нормативная, здоровая этническая идентичность. Культурная память объясняет 8% её вариативности.
Нигилизм	-,194	-1,43	,158	,038 (3,8)	Отрицательная тенденция, не достигающая статистической значимости ($p > 0.05$). Данные не позволяют утверждать, что культурная память напрямую снижает нигилизм.
Индифферентность	-,300	-2,28	,027	,090 (9,0)	Отрицательный, значимый вклад. Культурная память уменьшает индифферентность (безразличие) к своей этнической принадлежности. Объясняет 9% вариативности.
Этнический эгоизм	,012	,09	,931	,000 (0,0)	Нулевой, незначимый вклад. Культурная память не связана с установкой на превосходство своей группы.
Изоляционизм	,075	-,55	,586	,006 (0,6)	Незначимый вклад. Культурная память не влияет на убежденность в превосходстве ингруппы на фоне ярко выраженной вражды к аутгруппам.

Примечание. β – стандартизированный коэффициент регрессии; t -value – критерий, основанный на t распределении Стьюдента; p -value – уровень значимости; R^2 – коэффициент детерминации.

Note. β is the standardized regression coefficient; t is the value criterion based on the Student's; p -value – significance level; R^2 is the coefficient of determination.

Представленные данные (табл. 3) свидетельствуют о том, что культурная память избирательно влияет на типы этнической идентичности, выполняя функцию не общего фасилитатора этнической идентичности, а скорее структурирующего фактора, способствующего формированию определенного профиля идентичности, т.е. архивный компонент культурной памяти не делает идентичность личности «сильнее» вообще, а задает ей качественную специфику. При этом влияние архивного компонента культурной памяти носит либо позитивный, либо нейтральный характер. Позитивная траек-

тория влияния заключается в том, что культурная память приводит к усилению позитивной этнической идентичности через ослабление этнической индифферентности и повышения значимости принадлежности к группе. Это путь конструктивной этнической идентичности, укорененной в истории и культуре. Нейтральное влияние связано с тем, что архивный компонент культурной памяти не оказывает прямого влияния на такие типы этнической идентичности как этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм. Эти деструктивные типы этнической идентичности обусловлены не столько глубиной знания

своей культуры и истории, сколько чувством угрозы, исходящим от других групп, социальным сравнением с ними, их демонизацией и дегуманизацией, ростом этноцентризма, личным негативным опытом и личностными диспозициями (авторитаризм, низкая толерантность к неопределённости, ригидность мышления). Возможно, что маркеры другого компонента культурной памяти, обозначенного нами как эмоционально-идентификационная память, сопряженного с эмоциональной и субъективной оценкой прошлого, включая переживание культурных травм, будут коррелировать с деструктивными типами идентичности, однако, это предмет другого исследования.

Выводы

Культурная память представляет собой сложное динамическое семиотическое образование, структурно репрезентирующееся с помощью таких векторов как синхронический (объективное-субъективное), фокусируемый на составе и механизмах памяти в данный момент времени и обусловленный напряжением между внешним, фиксированным «следом» и его внутренним, изменчивым смыслом, и диахронический (прошлое – настоящее – будущее), акцентирующий внимание на движении и функции памяти во времени, переосмыслении прошлого, того, как оно конструируется и меняется в настоящем, какие образы будущего проецирует.

Между культурной памятью и базисными убеждениями существует реципрокная (взаимная) связь, они формируют друг друга в непрерывном цикле: убеждения передаются через исторический опыт группы, придают смысл и ценность элементам культурной памяти, определяют, какое прошлое стоит помнить / забывать и как его интерпретировать. Культурная память, в свою очередь, выступает механизмом формирования и трансляции базовых убеждений, подтверждая и закрепляя их. Базисные убеждения и культурная память образуют ценностную основу сообщества и коллективной идентичности его представителей.

Культурная память и идентичность связаны между собой нелинейной связью, которая носит характер циклической и взаимообусловленной, т.е. культурная память и идентичность постоянно влияют друг на друга, создавая замкнутый цикл воспроизводства и трансформации. При

этом под влиянием актуальных внешних и внутренних вызовов интерактивный цикл может ускоряться, меняя акценты как в идентичности, так и в том, какое прошлое считается важным. Совокупный исторический опыт, зафиксированный в мифах, преданиях, языке и ритуалах, создает основу для актуализации чувства принадлежности, общности происхождения и судьбы, а основой идентичности становится противопоставление «мы» (со своей памятью) и «они». При этом само осознание своей этнической принадлежности заставляет сообщество отбирать, актуализировать и передавать дальше те элементы культурной памяти, которые подтверждают и укрепляют эту идентичность.

Результаты эмпирического исследования позволяют уточнить цепочку взаимовлияний: культурная память, в частности компонент архивное прошлое, потенциально способен влиять на систему базисных убеждений (особенно на доброжелательность мира и ценность Я), но сила и направление этого влияния кардинально зависят от социального контекста и способа его актуализации.

Культурная память усиливает позитивную этническую идентичность и ослабляет этническую индифферентность через повышение значимости чувства принадлежности, которое формируется посредством взаимодействия когнитивных, эмоциональных и социальных факторов и играет ключевую роль в том, как человек воспринимает себя и других.

Объективное прошлое как один из компонентов культурной памяти не оказывает существенного влияния на уже сформированные деструктивные типы этнической идентичности, такие как этноизоляционизм, этнофанатизм, поскольку архивный компонент культурной памяти опирается на факты, документы, критический анализ, требует интеллектуальных усилий и готовности подвергнуть сомнению свои убеждения, тогда как деструктивная этническая идентичность фиксирована на эмоциональных оценках угроз, обид и несправедливости, превосходстве и исключительности, эгоцентризме и ингрупповом фаворитизме, противопоставлении «своих» и «чужих», которые рациональными аргументами не снимаются.

Результаты пошагового множественного регрессионного анализа подтверждают, что для формирования позитивных базисных убеждений (доброжелательность и справедливость мира, ценность Я) критически важно

накопление культурного ресурса (памяти) и преодоление этнонигилизма. При этом разные убеждения имеют различную «чувствительность» к этим факторам, а такие деструктивные формы, как этноэгоизм, могут специфически влиять на восприятие личного контроля, что требует адресных мер коррекции.

Практическая значимость проведенного исследования связана с учетом полученных результатов при разработке программ, направленных на развитие культурной памяти, которые с высокой вероятностью будут повышать уровень позитивной, нормативной этнической идентичности, снижать этническую индифферентность, но не оказывать влияния на этнический нигилизм, эгоизм, изоляционизм и фанатизм. Для коррекции этих форм нужны другие методы (психологическая работа, диалоговые практики, преодоление предрассудков).

Ограничение исследования:

– небольшой объем выборки ($N = 100$) в сочетании с ее возрастной спецификой (преобладание респондентов 22–28 лет) снижает статистическую мощь и устойчивость регрессионных моделей, а также ограничивает возможность генерализации выводов на другие возрастные когорты;

– дизайн исследования (поперечный срез данных) не дает оснований для каузальных интерпретаций. Тезис о том, что культурная память является ресурсом для формирования базисных убеждений, выступает теоретически обоснованной гипотезой. Однако в рамках использованного подхода нельзя исключить альтернативную интерпретацию, связанную с обратной направленностью связи: респонденты с более высоким уровнем доверия к миру могут быть в принципе более склонны к позитивному восприятию исторического прошлого, что и выражается в высоких показателях по шкале культурной памяти;

– из анализа исключен контроль ряда важных переменных (социально-демографических характеристик, личностных черт, этнического состава, региона проживания, уровня образования), которые могут выступать значимыми модераторами выявленных связей;

– в исследовании операционализирован преимущественно когнитивный («архивный») компонент культурной памяти, что оставляет открытым вопрос о роли других компонентов во взаимодействии с этнической идентичностью и базисными убеждениями.

Библиографический список

1. *Белинская Е. П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>, EDN: UPCRCC
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева, под ред. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 413 с.
3. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
5. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
6. *Нора П.* Всемирное торжество памяти Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3. С. 202 – 208.
7. *Розеншток-Хюсси О.* Речь и действительность / пер. с нем. А. В. Гараджи, В. С. Малахова. М. : Лабиринт, 1994. 215 с.
8. *Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ., под ред. В. А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с.
9. *Janoff-Bulman R.* Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social Cognition. 1989. Vol. 7, № 2. P. 113–136. <https://doi.org/10.1521/soco.1989.7.2.113>
10. *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2003. 422 с.
11. *Huyssen A.* Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia. London: Routledge, 1995. 292 p. <https://doi.org/10.4324/9780203610213>
12. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40. EDN: PELCHZ
13. *Edkins J.* Trauma and the Memory of Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 284 с.
14. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
15. *Шнирельман В. А.* Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–9. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/1>, EDN: CQTMFF
16. *Pentzold C., Lohmeier C., Birkner T.* Communicative remembering: Revisiting a basic mnemonic concept // Memory, Mind and Media. 2023. Vol. 2. Article e9. P. 1–15. <https://doi.org/10.1017/mem.2023.7>

17. Энгле Н. В. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 571 с.
18. Proietti G. Intergenerational memory and trauma. From the micro to the macro, and back again: It is not that easy // *Memory Studies*. 2025. Vol. 18. June. P. 720–737. <https://doi.org/10.1177/17506980251330557>
19. Солдатова Г. У., Рыжова С. В. Типы этнической идентичности // *Психодиагностика толерантности личности* / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М. : Смысл, 2008. С. 140–146. EDN: VIALHN
20. Падун М. А., Котельникова А. В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // *Психологический журнал*. 2008. Т. 29, № 4. С. 98–106. EDN: JHLATN
21. Маркина О. С., Молчанов С. В. Взаимосвязь восприятия эмоционально значимых событий своей жизни и базисных убеждений личности студенческой молодежи в период транзитивных изменений // *Психолого-педагогические исследования*. 2023. Т. 15, № 2. С. 3–17. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150201>, EDN: JHUEIZ
22. Шамионов Р. М. Уверенность в себе и базовые убеждения как предикторы субъективного благополучия русских и казахов // *Психологические исследования*. 2016. Т. 9, № 45. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1235-shamionov45.htm> (дата обращения: 20.01.2026). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.497>, EDN: WAOUYT
23. Цветков В. Л., Иванова А. И. Взаимосвязь ценностей и базовых убеждений личности курсантов с разным уровнем эмоционального благополучия // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 5. С. 308–315. <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10311>, EDN: CGFJJT
24. Нестик Т. А. Эффект Поллианны: роль механизмов защиты позитивной личностной и групповой идентичности // *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15. № 4. С. 25–39. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>, EDN: NKINMM
3. Assman J. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokikh kul'turakh drevnosti*. Per. s nem. M. M. Sokol'skoy [Sokol'skaya M. M. trans. from German. *Cultural Memory: Writing, Remembering the Past, and Political Identity in Ancient High Cultures*]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2004. 368 p. (in Russian).
4. Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamiati*. Per. s fr. S. N. Zenkina [Zenkina S. N. trans. from French. *The Social Framework of Memory*]. Moscow, Novoye Izdatelstvo, 2007. 348 p. (in Russian).
5. Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriey*. Sost., per. s nem. B. Xlebnikova [Khlebnikov B. comp., trans. from German. *The Oblivion of History – The Obsession with History*]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2019. 552 p. (in Russian).
6. Nora P. The World's Celebration of Memory. *Emergency Relation*, 2005, no. 2–3, pp. 202–208.
7. Rosenstock-Huussy O. *Rech' i dejstvitel'nost'*. Per. s nem. A. V. Garadzhi, V. S. Malaxova [Garadzhi A. V., Malakhov V. S. trans. from German. *Speech and Reality*]. Moscow, Labirint, 1994. 215 p. (in Russian).
8. Shane E. H. *Organizacionnaya kul'tura i liderstvo*. Per. s angl., pod red. V. A. Spivaka [Spivak V. A. trans. from English, ed. *Organizational Culture and Leadership*]. St. Petersburg, Piter, 2002. 336 p. (in Russian).
9. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct. *Social Cognition*, 1989, vol. 7, no. 2, pp. 113–136. <https://doi.org/10.1521/soco.1989.7.2.113>.
10. Hutton P. H. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [Bystrov V. Yu. trans. from English. *History as the art of memory*]. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2003. 422 p. (in Russian).
11. Huyssen A. *Twilight Memories: Marking Time in a Culture of Amnesia*. London, Routledge, 1995. 392 p. <https://doi.org/10.4324/9780203610213>
12. Alexander J. C. Cultural Trauma and Collective Identity. *Sociological Journal*, 2012, no. 3, pp. 5–40 (in Russian). EDN: PELCHZ
13. Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 284 c.
14. Assmann A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoy*. Per. s nem. B. M. Skuratova [Skuratov B. M. trans. from German. *The New Discontent with Memorial Culture*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (in Russian).
15. Shnirelman V. A. A Traumatic Memory: How to Study and to Interpret It. *Siberian Historical Research*, 2021, no. 2, pp. 6–29 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/1>, EDN: CQTMFF
16. Pentzold C., Lohmeier C., Birkner T. Communicative remembering: Revisiting a basic mnemonic concept. *Memory, Mind and Media*. 2023, no. 2, art. e9, pp. 1–15. <https://doi.org/10.1017/mem.2023.7>
17. Eppele N. V. *Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvenny'x prestupleniyax v Rossii i drugix stranax* [An

References

1. Belinskaya E. P. Modern identity studies: From structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2018, vol. 8, iss. 1, pp. 6–15 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>, EDN: UPCPCC
2. Anderson B. *Voobrazhaemy'e soobshhestva: razmy'shleniya ob istokax i rasprostranении nacionalizma*. Per. s angl. V. G. Nikolaeva, pod red. S. P. Ban'kovskoy [Nikolaeva V. G. trans. from English, Ban'kovskaya S. P., ed. *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*]. Moscow, Kuchkovo pole, 2016. 413p. (in Russian).

- Uncomfortable Past. Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 571 p. (in Russian).
18. Proietti G. Intergenerational Memory and Trauma. From the Micro to the Macro, and Back Again: It is not that easy. *Memory Studies*, 2025, vol. 18, June, pp. 720–737. <https://doi.org/10.1177/17506980251330557>
19. Soldatova G. U., Ryzhova S. V. Types of ethnic identity. In: *Psikhodiagnostika tolerantnosti lichnosti. Pod red. G. U. Soldatovoy, L. A. Shaigerovoy* [Soldatova G. U., Shaigerova L. A., eds. Psychodiagnostics of Personality Tolerance]. Moscow, Smysl, 2008, pp. 140–146 (in Russian). EDN: VIALHH
20. Padun M. A., Kotel'nikova A. V. Modification of R. Janoff-Bulman's procedure for Personality Basic Beliefs Study. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, vol. 29, no. 4, pp. 98–106 (in Russian). EDN: JHLATN
21. Markina O. S., Molchanov S. V. The Relationship between the Perception of Emotionally Significant Events in one's Life and World Assumptions of the Student Youth during the Period of Transitive Changes. *Psychological Educational Studies*, 2023, vol. 15, no. 2, pp. 3–17 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150201>, EDN: JHUEIZ
22. Shamionov R. M. Self-confidence and basic beliefs as predictors of subjective well-being in Russians and Kazakhs. *Psychological Studies*, 2016, vol. 9, no. 45, p. 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1235-shamionov45.htm> (accessed January 20, 2026) (in Russian). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.497>, EDN: WAOUYT
23. Tsvetkov V. L., Ivanova A. I. The Relationship between the Values and Basic Beliefs of the Cadets' Personality with different Levels of Emotional Well-being. *Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 5, pp. 308–315 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10311>, EDN: CGFJJT
24. Nestik T. A. The Pollyanna Effect: The Role of Positive Personal and Group Identity Defense Mechanisms. *Social Psychology and Society*, 2024, vol. 15, no. 4, pp. 25–39 (in Russian), <https://doi.org/10.17759/sps.2024150403>, EDN: NKINMM

Декларация об этике. Исследование было рассмотрено и одобрено Экспертной комиссией ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (№ 277 от 26.03.2026).

Ethics Statement. The study was reviewed and approved by the Expert Commission of Saratov State University (report no. 277, 26.03.2026).

Поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 27.03.2026
The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 27.03.2026